

Штирлиц - Есенин (Стратиевская)

Часть 9

20. Есенин. Работа по программному аспекту. Трудный выбор между прошлым и будущим

Пока в исходной системе ещё остаются какие - то ресурсы, пока ещё туда поступают какие - то доходы, Есенину будет жаль их упускать и оставлять другим. Но и терять шанс занять удобное место в будущей системе (эко - нише, эко - среде), упускать открывающиеся перед ним будущие перспективы и возможности ему тоже не хочется. Поэтому какое - то время он может жить и на два дома: разрушая и истощая остатки прежней системы ("инкубационной капсулы"), он одновременно может выстраивать новые связи и отношения, создавать себе удобную эко - нишу в новой, более удобной и перспективной для него эко - среде.). Если же возвращаясь к прежним связям и отношениям (к ещё неизрасходованным прежним запасам, оставшимся в "инкубационной камере"), становятся для него болезненными и обременительными, у него возникает желание разрушить прежнее "гнездо" (то есть, сделать его ещё менее привлекательным, чтобы не поддаваться искушению вернуться туда). Чтобы не возникало желание променять новое на старое, Есенину хочется разрушить это жилище, довести чуть ли не до аварийного состояния, чтобы уже точно не хотелось приходить в этот дом. (Для него это всё равно, что сжечь мосты за собой: отступить уже будет некуда, можно будет двигаться только вперёд, в будущее, к новым рубежам, новым целям.) Но тогда уже и известие о восстанавливающем силы прежнем "партнёре - доноре" будет вызывать у него раздражение. Реально возвращаться к нему Есенин уже не захочет (особенно, если уже решил выйти на самостоятельную дорогу), но упускать возможности снять новый урожай с прежнего поля он не захочет и: жаль будет, если эти средства и ресурсы достанутся кому - то другому. Поэтому ещё какое - то время он будет следить за личной жизнью своего бывшего партнёра. Время от времени будет ненадолго возвращаться к нему, чтобы забрать последнее или разрушить новые восстанавливающиеся связи.

Стремление отделаться от бывшего партнёра, который, "как "отработанный материал" должен быть вытеснен из системы", является для Есенина ещё и удобным способом списания долгов: нет кредитора, нет и долгов перед ним. А тот, кто в силу ограниченности своих возможностей оказывается не способен взыскать долги, кредитором не является: он экономит силы, для того, чтобы хоть как - то в этом мире существовать. (Ему не до жиру, быть бы живу.) Востребовать долги от постоянно ускользающего от него Есенина он не сможет: "руки коротки!". Есенин со своей стороны

будет следить за тем, чтобы бывший партнёр не обзавёлся новыми, влиятельными друзьями, не получил поддержку сильных мира сего. Будет следить за тем, чтобы его карьера не была слишком успешной (а то как бы самому не пришлось приходить к нему на суд, на поклон, держать ответ за прошлые свои проступки.)

Узнав о новых перспективных, выгодных знакомствах или отношениях, Есенин может устраивать сцены ревности, разыгрывать роль человека, которому безразлична нынешняя личная жизнь его прошлого партнёра: начинает критиковать его друзей, его окружение, его новый образ жизни, новое место работы. Может разрушить его новые деловые связи (например, может отправиться с ним на собеседование и произвести неприятное впечатление), может нахамить его начальству, сорвать выгодный контракт, сорвать выход на работу в первый рабочий день. (Иногда он объясняет это тем, что не хочет, чтобы его имя связывалось с человеком, который, якобы, не дорожит своей репутацией, "ведёт беспорядочный образ жизни", "завязывает сомнительные знакомства", "окружает себя сомнительными людьми". Иногда в подтверждение своих слов он приводит некую, сомнительного происхождения информацию, компрометирующую новых друзей (или друга) его бывшего партнёра. Иногда это бывают гнусные измышления, которые он тут же сам и придумывает, чтобы настроить своего партнёра против его нынешних друзей. Иногда это бывает честное и искреннее предостережение, к которому тоже имеет смысл прислушиваться. (Лучших соглядатаев и филёров, чем ИЭИ, Есенин, во всём мире не найти: тихие, скромные, неприметные, они могут сколь угодно долго преследовать кого угодно. Всю необходимую информацию об интересующем их "объекте наблюдения" умеют выведывать ненавязчиво и легко. В таких "разведывательных работах" они ещё Штирлицу сто очков вперёд дадут!)

Своей репутацией Есенин дорожит. Честь, репутация для него как для квестима - аристократа - субъективиста - очень важные и значимые понятия. Честь и репутация - это его капитал, - это то, что он возьмёт с собой в будущее. Поэтому, какими бы перипетиями ни наполнялась его жизнь, какими бы крутыми виражами и поворотами ни "баловала" его судьба, за репутацией своей (и своего партнёра) он следит. При любых условиях и обстоятельствах Есенин должен выглядеть безгрешным и успешным (не хочется быть или выглядеть жертвой собственных несчастий). Поэтому в его (Есенина) жизни всё должно быть устроено наилучшим образом, и репутация его должна быть (выглядеть) во всех отношениях безупречной (кто бы что про него ни говорил!).

Но эти доводы Есенин оставляет, как правило, для себя. Ими он себя оправдывает и утешает. Истинные же мотивы его поступков оказываются совершенно другими и вполне отчётливо проявляются всякий раз, когда он реально делает всё от него зависящее, чтобы помешать своему бывшему "партнёру - донору" успешно устроить (или хотя бы выправить!) будущую свою профессиональную карьеру и судьбу.

"На войне, как на войне". Есенин - решительный и предусмотрительный интуит знает цену своим поступкам. Поэтому не может допустить, чтобы человек, ресурсы и средства которого он довольно долго истощал, не только не сошёл с дистанции, но ещё и продвинулся по службе, пошёл на повышение. (Снова оказался "на коне", обскакал его,

да ещё и пошёл в гору; и именно после того, как перестал быть спонсором, компаньоном, партнёром - донором Есенина.) Есенину, привыкшему соревноваться со своим бывшим "партнёром - опекуном", уравнивать с ним права и возможности (активация по логике соотношений), не позволяя ни обойти, ни опередить себя ни в чём, ничего другого не остаётся, как снова нейтрализовать его активность. Что он и делает в меру сил и возможностей. И в этом бывает очень изобретателен. Для него это ни что иное, как обычный контроль, обычная работа по аспекту интуиции времени: следить за тем, кто, где и на каком отрезке времени его на жизненном пути обгоняет. Следит за тем, чтобы никто не обгонял его и не забежал вперёд, оставляя его в числе отстающих, или выставляя крайним. (Зачем ему выпадать из системы с того, или иного боку? переходить в "пересортицу", попадать в "неудачники" в "слабые звенья" и "лишние элементы" системы ему совсем ни к чему.)

Чтобы не плестись в хвосте и получить наибольший выигрыш по аспекту интуиции времени (-б.и.1), ему хочется в каждом "забеге" быть в числе победителей, прийти к цели кратчайшим путём, с наименьшей затратой времени, с минимальным расходом сил и ресурсов. А для этого нужно только выбрать подходящего партнёра (победителя видно у стартового столба), пройти с ним большую часть дистанции, использовать его силы и ресурсы, а приближаясь к финишу, перепрыгнуть через его голову и за счёт сэкономленных сил и ресурсов вырваться вперёд, сорвать финишную ленточку и первым подняться на пьедестал. ("А кто не успел, тот опоздал"). Это обычная для него работа по программному аспекту интуиции времени, и не более того. Она творчески реализуется аспектом этики эмоций (+ч.э.2), благодаря которому Есенин не позволяет своему партнёру (очередному попечителю) ни подняться в гору, ни выйти из игры. Посредством аспекта этики эмоций перспективные планы партнёра Есенин может разрушить очень легко: может сыграть на его чувствах и его привязанности, на командной этике, на "чувстве локтя", на привычке считаться с мнением партнёра, на привычке ставить интересы партнёра выше своих, на привычке заботиться о нём (Есенине), "болезненном и слабом" (эту привычку в своём партнёре Есенин тщательно вырабатывает).

— *Получается прямо как в сказке про медведя и "больного" зайца, которому медведь лапку отдал и потому вынужден о нём пожизненно заботиться...*

— В недуальных (а тем более конфликтных) отношениях с Есениным всё происходит, как в сказке с плохим концом: "Золушка" из принцессы снова превращаются в бедную неудачницу, а прекрасный принц оказывается монстром.

Пример:

Молодая супружеская чета музыкантов (гражданский брак) эмигрировала в одну из стран дальнего зарубежья. Муж - Есенин (гитарист, выпускник музыкального училища) видя, что карьера у жены (вокалистки, бывшей солистки областной филармонии) не складывается, совсем уж было собрался с ней расстаться. Жили они в дешёвом пансионате, денег на жизнь не хватало, заработки (от её концертирования) были мизерные, выступления редкие, платили мало. А он в тот год как раз поступил в Музыкальную Академию, желая продолжить своё образование; на первый год ему

выбили стипендию, но в дальнейшем за учёбу нужно было чем - то платить. Он был молод (26 лет), очень красив, невероятно обаятелен, умел производить приятное впечатление на состоятельных дам. Понимал, что возраст у него критический, надо срочно устраивать более успешно свою личную жизнь. И хотя с серьёзными предложениями к нему ещё никто не обращался, он очень боялся упустить те возможности, которые открывались перед ним с каждым новым выгодным знакомством. Партнёрство с женой стало для него обременительным. И он уже совсем было собрался сказать ей, что им надо порознь строить свою жизнь, как вдруг узнал, что она прошла прослушивание и поступила на работу солисткой в местную, муниципальную оперную труппу. Более того, ей уже предложили принять участие в ближайшем праздничном гала - концерте, репетиции которого уже начались. Заработки у неё там должны были быть небольшими (всего 75 долларов за каждое выступление), но и они спутывали ему все его карты; неизвестно теперь, что лучше - остаться с ней, или расстаться. Всё это было так для него неожиданно, что он не сразу собрался с мыслями и действиями. Ему было нелегко смириться с этой удачей своей жены, не хотелось чувствовать себя на подчинённых позициях в этом партнёрстве, не хотел быть вытесненным из системы: ещё чего доброго она возомнит себя примадонной, возгордится и завтра с ним здороваться перестанет, променяет его на какого -нибудь баритона - тенора, и останется он в этой истории в дураках. Он решил присмотреться к ситуации, подождать и пока не принимать никаких смелых решений: он ещё не готов был начать новую самостоятельную жизнь и не хотел раньше времени выходить из системы. Несмотря на то, что в быту он был очень тяжёлым, капризным и требовательным человеком, он вдруг резко притих, стал покладист и кроток. Он не оспаривал её решения, не устраивал ей сцены ревности - он был выше этого. Он придумал кое - что поинтересней. Поначалу он усыпил её бдительность: сделал вид, что от души радуется её успеху, ходил вместе с ней на репетиции, знакомился с её коллегами, завязывал с ними собственные знакомства, производил на всех приятное впечатление... Основной сюрприз он преподнёс ей в тот вечер, когда ей нужно было ехать на генеральную репетицию (генеральный прогон всей концертной программы). Вот тогда - то с ним и стало происходить нечто странное: он ей просто не дал выйти из дома. С ним вдруг случился припадок. Он повалился на кровать, забился в истерику, стал перекатываться с боку на бок, запрокинул голову и закатил глаза так, что зрачков совсем видно не было; дрожал, как в лихорадке, стонал, мычал, охал, ахал, кряхтел, хватал её за руку всякий раз, когда она пыталась отойти от него, бился в истерику, умолял: "Подожди, не уходи, подожди... это сейчас пройдёт..." Никогда прежде она не видела, чтобы с ним происходило нечто подобное (а они жили вместе уже не один год). Она хотела померить ему температуру, чтобы понять, что вообще с ним происходит, но он не позволял ей подойти даже к аптечке. Он не позволял отойти ни на шаг: держал за руку и не отпускал. Приступ его возобновлялся всякий раз, когда она пыталась подойти к телефону. Городской телефон был только в холле пансионата, а из комнаты она могла позвонить либо на вахту, либо кому -нибудь из соседей. Но он и этого не позволял ей сделать: тут же закатывал глаза и шептал: "Подожди - подожди, этой сейчас пройдёт..." Что с ним происходит и что "пройдёт" - она так и не поняла. Сообразила только когда "приступ" закончился, так же внезапно, как и начался. Посмотрела на часы и ужаснулась: прошло более трёх часов с момента начала репетиции. Она побежала к городскому телефону, чтобы позвонить в театр, звонила по одному номеру,

по другом, ни один телефон не отвечал. Ей стало страшно. Она поняла, что потеряла такую возможность, о которой мечтала всю свою жизнь. И как в воду смотрела. На следующий день ей сообщили, что от выступления и от работы в театре она отстранена. Контракт с ней так и не заключили (а собирались подписать сразу после выступления). И ещё два года после этого ни в один коллектив, ни в одну труппу её на работу не принимали. Поступила она в тот же театр (в ту же труппу) в уже более позднем возрасте (и уже не на первые роли) и то только через полтора года после того, как окончательно рассталась со своим мужем - Есениным.

А до этого ей ещё пришлось с ним помучиться: он её и от себя не отпускал, и к серьёзной работе не допускал. Крушил ей карьеру по полной программе: срывал ей и звукозапись, и вступление на телевидении в субботней развлекательной передаче. Сорвал несколько ответственных выступлений и прослушиваний. Делал всё, чтобы она как певица не состоялась. Но при этом продолжал жить за её счёт одной с ней семьёй. Приступы его "болезни" возобновлялись в той, или иной форме всякий раз, когда она просила его прорепетировать с ней программу, подготовиться к выступлению. Потом ему надоело разыгрывать из себя роль припадочного, и он просто отказывался с ней репетировать, ссылаясь на то, что ему лень, его "ломает". Уверял её, что всё помнит, на выступлении всё сделает, как надо, а когда доходило до дела, забывал текст, играл наобум, выдавал фальшь и полнейшую "лажу", которую она терпеть не могла. Она была очень требовательный к качеству работы. Когда дело касалось работы, она ни себя, ни его не щадила. Во всём остальном она могла ему уступить. (Своими руками делала ремонт в квартире, в то время как он сидел на диване и играл на гитаре, делая вид, что занимается, разучивает новое произведение. Видя, что она его контролирует, он сорвался, устроил истерику, потом ещё долго изводил её бойкотами и упрёками.) Её фанатичная требовательность и самоотдача в работе раздражали его всё больше: "Несчастный трудоголик: работает как одержимая, а удача словно бежит от неё. Сама мучается и другим житья не даёт." - жаловался он их общим знакомым. (Кто - то из них, присутствуя на репетиции, однажды подсчитал, что она сто тридцать восемь раз подряд спела одну и ту же каденцию, прежде чем сочла результат удовлетворительным.). Её партнёр такой большой нагрузки и такой низкой оплаты труда потерпеть не мог. Понимая, что при таких стеснённых обстоятельствах он на достойную материальную компенсацию рассчитывать не может, он стал решать эту проблему с другого конца: сводил к минимуму время своих профессиональных занятий, всё чаще отказывался с ней репетировать, бойкотировал все её просьбы и требования.

Не чувствуя опоры в нём как в партнёре - аккомпаниаторе, она стала бояться выступлений, стала бояться сцены и даже сорвалась на нескольких конкурсах из - за того страха, который теперь появлялся у неё всякий раз, когда она начинала петь. Для неё как для человека одержимого музыкой, это было настоящей трагедией, - катастрофой! Когда она выходила на сцену и слышала, как он коверкает аккомпанемент, у неё свет в глазах мерк, ей становилось дурно. Ноги подкашивались от ужаса и стыда за качество выступления. Она едва сдерживалась, чтобы довести работу до конца и не сорваться. Но и заменить его кем - то другим (пригласить другого аккомпаниатора) она тоже не могла: на это уже не было денег. А кроме того, пока он был рядом с ней, он не позволял ей этого сделать: устраивал сцены, скандалы, изводил

истериками и упрёками, говорил, что никто её так не понимает, как он. Сам он, благодаря некоторым её знакомствам и связям, уже получил несколько выгодных предложений. Получил постоянную работу в музыкальном салоне одной фешенебельной гостиницы, где в ансамбле с другими музыкантами каждый вечер исполнял старинную музыку. (Она в своё время тоже прослушивалась для этой программы, но он сорвал её выступление, в очередной раз запоров аккомпанемент. И ещё заранее испортил ей настроение мрачными пророчествами: "Зря стараешься! Ничего у тебя сегодня не выйдет...". И как в воду глядел: выступление сорвалось на первых же тактах, как только он начал сбиваться с ритма и ускорять темп. Она была в шоке от такой подлости, поняла, что с ним в паре уже работать нельзя, надо искать другие варианты. А он между тем пошёл в гору: на том же прослушивании с другим музыкантом выступил великолепно и прошёл в эту программу, а со временем и стал выполнять обязанности импресарио.) Её он в эту программу приглашал редко, никогда не платил ей за её выступления и при этом никаких заработков он по-прежнему в дом не приносил: объяснял, что эти деньги необходимы ему для оплаты учёбы, для выплаты кредитов за машину и прочего. Её материальное положение было очень тяжёлым, выступлений становилось всё меньше, доходов не было уже почти никаких. А нужно было ещё выплачивать ссуду за квартиру, в которой они вместе жили и которую она купила и оформила на своё имя.

Для неё наступили трудные времена нищеты, неустроенности, долгих и безуспешных поисков работы. Она уже подумывала о том, чтобы сменить профессию, хотя и не представляла себе жизни без музыки. Положение становилось катастрофическим: долги накапливались, кредиторы подавали на неё иски в суд. Надо было срочно что-то предпринимать. Она решила параллельно заняться какой-то другой работой, не имеющей отношения к музыке. Но он отговорил от этого в самых резких выражениях: "Если ты это сделаешь, я с тобой здороваться перестану." Материально он ничем ей не помогал. Но однажды потребовал, чтобы она подписала ему гарантию на ссуду. Она отказалась. Он обиделся и сказал ей: "Ты неудачница! За тобой несчастье по пятам ходит. С тобой рядом находится опасно: ты приносишь несчастье."

Вскоре после этого они расстались. (Он сам поверил в то, что она ему приносит несчастье и решил жить отдельно от неё: снял комнату в квартире своих друзей - музыкантов и очень неплохо устроился в их весёлом, музыкальном сообществе.) Ещё какое-то время он приходил к ней (к бывшей своей партнёрше), контролировал её связи и отношения, на протяжении нескольких месяцев забирая свои вещи (каждый раз уносил понемногу), занимал у неё деньги, одалживался по мелочам, иногда брал продуктами...

После того, как они наконец разъехались, она чувствовала себя как погорелец после пожара. Но быстро взяла ситуацию под контроль, стала работать на фабрике, получала стабильную зарплату, смогла оплатить часть долгов, но и от прежних своих планов не отказалась: теперь она могла позволить себе получать и оплачивать уроки у лучшего преподавателя вокала в городе. Через какое-то время ей снова удалось поступить в ту же муниципальную оперу (теперь уже предложение исходило от них). По возрасту её ещё успели взять на роли субреток (роли молоденьких девушек второго плана), а потом

уже стали переводить и на главные партии. Она работала как одержимая, навёрстывала упущенное. О времени вспоминала только когда соседи начинали стучать в стенку, требуя тишины. Её карьера снова пошла в гору, и бывший муж - Есенин снова стал проявлять к ней свой интерес, предлагая выступать в одной с ним программе (теперь он работал ещё и администратором в одном из муниципальных концертных залов: сам принимал участие в программах и сам приглашал исполнителей). Когда требовалась вокалистка, он приглашал её. Пару раз она согласилась, но потом пожалела об этом. Денег он опять же ей не заплатил (хотя в ведомостях значилось, что гонорар ей выплачивается), а во время одного очень престижного концерта снова чуть не сорвал ей выступление. (Это был праздничный концерт по случаю Дня Города. Присутствовал мэр города и мэры городов побратимов. У неё была подготовлена очень интересная программа, состоящая из самых популярных и любимых в этом городе песен.) Видя, что её очень хорошо принимают (работа в опере пошла ей на пользу), он разозлился и стал говорить ей гадости в спину и именно в тот момент, когда её стали вызывать петь на бис. Она только о собралась объявить сверх программы ещё одну песню, но услышав, что он ей говорит: "Ты что собираешься до утра тут стоять? А ну, пошла вон!", задохнулась от возмущения и ушла со сцены. Такого шока она ещё никогда не переживала. (Этот удар был посильнее всех предшествующих). Понимая, что снова рискует потерять всё, что с таким трудом её доставалось, она впредь стала отказываться от его предложений, какими бы перспективными они ей ни казались, а затем решила вообще разорвать с ним все отношения, чтобы уже никогда в будущем их пути ни в жизни, ни в музыке больше не пересекались.

— *Ей больше не хотелось выбирать между работой и партнёрскими отношениями?..*

— Выбирать между работой и партнёрскими отношениями в квадратах объективистов вообще не приходится. Здесь это неотделимо одно от другого (при доминировании этики отношений и деловой логики). Семья воспринимается как единая, рабочая команда, в которой вне этической и деловой взаимовыручки отношений себе вообще не представляют.

Выбор между интересами дела и партнёрскими отношениями допустим в квадратах субъективистов (альфа- и бета- квадратах), где под партнёрскими отношениями подразумевается соотношение партнёров в системе (то есть, аспект этики отношений подменяется аспектом логики соотношений). В квадратах субъективистов интересы системы (а тем более иерархии) ставятся выше интересов дела (логика систем в квадратах субъективистов доминирует над деловой ("чёрной") логикой - оперативной логикой, логикой деловых инициатив, логикой фактов и логикой действий). Партнёрские отношения (корпоративная этика, этика отношений) в квадратах субъективистов так же приносятся в жертву системе: ставятся в зависимость от чувства и настроений доминирующего в системе партнёра (что и позволяет Есенину как аристократу - этику - субъективисту терроризировать окружающих, изображать из себя домашнего деспота и, в борьбе за место в системе, требовать от них больших и всё более дорогих жертв).

Поломать карьеру, перекрыть доступ к хорошей, интересной, творчески

перспективной, престижной и выгодной работе в квадрах СУБЪЕКТИВИСТОВ считается НАКАЗАНИЕМ, ВОЗМЕЗДИЕМ, ТЕРРОРОМ, в квадрах ОБЪЕКТИВИСТОВ это считается самым страшным ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, которое никогда и никому не прощается. В этой истории партнёр - субъективист (Есенин) поставил отношения на грань разрыва, заставив жену (делового логика -сенсорика - объективиста) выбирать между работой и партнёрскими отношениями, партнёрской солидарностью, чувствами и состраданием к партнёру. Это был запрещённый приём, но он удался. Чувства к партнёру победили, этика победила логику. Причём, именно этика эмоций - нормативный у Штирлица аспект (+ч.э.3). Уйти на работу и оставить бьющегося в судорогах партнёра - такое невозможно даже представить! Он поставил её перед очень тяжёлым выбором, а кроме того, а он переиграл её по интуиции времени - программному для него (-б.и.1) и проблематичному для неё аспекту (-б.и.4), соответствующему её "зоне страха". (А страхов у неё в этой ситуации и без того было предостаточно!). Он навязал ей "игру на чужом поле", навязал ей ценности своей диады и квадры, как приоритетные, навязал ей конфликт интересов, приоритетов и целей, которые создали определённый перелом в их отношениях (она поняла, что в его лице обретает врага) и ещё больше обострили их. Демонстративный террор по этике отношений - его демонстративной (-б.э.8) и её суггестивной функции (-б.э.5) - обострил их конфликт и вывел отношения на заключительную фазу. (На фазу разрушения той эко - ниши, в которой он (Есенин) так долго и успешно "вызревал".)

Выбор между работой, интересами дела и состраданием к партнёру, который, пренебрегая обязанностями, отказывается эту работу выполнять и "заболевает" всякий раз, когда его заставляют ею заниматься - один из самых конфликтогенных моментов в диаде Есенин - Штирлиц. Обусловлен он и тем, что аспект деловой логики является программным в модели Штирлица (+ч.л.1), и тем, что сводится к антагонизмам квадровых признаков субъективизма и объективизма, при которых аспект деловой логики (программа Штирлица) выступает против логики систем (активационный аспект Есенина (- б.л.6), расхолаживающий его деловую активность и возбуждающий активность системную и социальную. Активационный аспект логики соотношений побуждает Есенина бороться за доминирующее место в системе и активизирует на борьбу за РАВЕНСТВО прав и привилегий, которое, по сути, является поводом для завоевания новых преимуществ в этих отношениях: Есенин завидует Штирлицу и перетягивает привилегии на себя, утверждая, что восстанавливает равенство и справедливость. Беспредельно пользуясь этим приёмом, он почти полностью подчиняет себя работающего Штирлиц, эксплуатирует его труд, злоупотребляет его доверием и доминирует, господствует над ним, великодушно позволяя заботиться о себе (таком маленьком, хрупком и беззащитном), бьёт на жалость, работает по программе "не обижай маленьких", нейтрализуя его агрессию Штирлица, ориентированного на заботу о его дуале - "маленьком, хрупком, беспомощном" ЭИИ, Достоевском.

Штирлиц - Есенин (Стратиевская) - Часть 09

Автор: admin

05.10.2010 21:15 - Обновлено 05.10.2010 21:23

[Источник](#)

[Обсудить на Социофоруме](#)